

■ ■ ■ Казанский саммит БРИКС как инструмент стратегической коммуникации России в условиях глобального информационного противодействия

Львова О.В.

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена исследованию инструментов стратегических коммуникаций государства на примере саммита БРИКС, прошедшего в Казани в 2024 году. С опорой на современные теоретические подходы проанализированы коммуникационные элементы мероприятия с учетом политического, экономического, социального и культурного контекста. Выявлены базовые характеристики саммита, подтверждающие его принадлежность к актам стратегической коммуникации. Автор проводит эмпирическую проверку основной гипотезы о том, что проведение саммита как акта стратегической коммуникации России позволило достичь комплексных коммуникативных эффектов. Хронологические рамки исследования включают период проведения мероприятия – 22-24 октября 2024 года. Эмпирическая база данных составляет текстовые и визуальные материалы (сайт, стенограммы выступлений, пресс-релизы, текст Казанской декларации, фотобанк). Для обработки собранного материала использовались методы сравнительного анализа, дискурс-анализа, контент-анализа. По мнению автора, целенаправленное, системное, последовательное, многоканальное и скоординированное представление позиции России на мероприятиях саммита БРИКС в Казани подтверждает его принадлежность к актам стратегической коммуникации.

Ключевые слова: стратегическая коммуникация, текст стратегической коммуникации, акт стратегической коммуникации, саммит БРИКС

Для цитирования: Львова О.В. Казанский саммит БРИКС как инструмент стратегической коммуникации России в условиях глобального информационного противодействия // Коммуникология. 2025. Том 13. № 2. С. 49-64. DOI 10.21453/2311-3065-2025-13-2-49-64.

Сведения об авторе: Львова Олеся Вячеславовна – кандидат политических наук, преподаватель Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета. ORCID: 0009-0006-4603-0696. E-mail: olesya_sulina@mail.ru. Адрес: 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., 26.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025. *Принята к печати:* 20.05.2025.

Введение. Текущая политическая ситуация характеризуется для России существенным изменением её позиционирования в международном информационном пространстве. На смену парадигме партнерства приходит, с одной сторо-

Конфликт интересов: отсутствует.

ны, международная изоляция и системные многоступенчатые санкции, с другой стороны, намечается тенденция восприятия России как нового лидера, заинтересованного в формировании полицентричного миропорядка.

В условиях медиатизации политических процессов возрастает значение современных информационно-коммуникационных технологий при формировании и трансформации образа государства. Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности Российской Федерации осуществляется в соответствии со следующими приоритетами: «формирование объективного восприятия России за рубежом, укрепление ее позиций в мировом информационном пространстве, противодействие скоординированной антироссийской пропагандистской кампании, осуществляемой на систематической основе недружественными государствами, а также обеспечение свободного доступа населения иностранных государств к достоверной информации»¹.

Теоретические основания. Политическая коммуникация так или иначе предполагает отсылку к концепции «мягкой силы», которая определяется ее автором как способность государства добиваться своих внешнеполитических целей с помощью проецирования привлекательного образа страны, а не принуждения. Источниками (ресурсами) «мягкой силы» выступают культура, политические ценности и внешняя политика [Nye 2004]. В последующих разработках Дж. Най рассматривал развитие потенциала «мягкой силы» с помощью эффективной реализации публичной дипломатии. Наряду с информированием и разъяснением правительственных решений, а также прямыми контактами с иностранной общественностью, Дж. Най упоминает стратегическую коммуникацию, представляющую собой транслирование наиболее значимых для государства политических вопросов [Nye 2008].

Теоретическое осмысление термина «strategic communication» встречается в официальных документах Министерства обороны США, Рамочной концепции стратегических коммуникаций Белого Дома, аналитических документах некоммерческого американского центра RAND Corporation и британского ChatHam House [Paul 2010: 12; Пашенцев 2012; Цветкова 2015]. Американские и европейские теоретические подходы к пониманию стратегических коммуникаций объединяет схожее представление о субъекте стратегической коммуникации (государство как политический актор), акцент на скоординированность и синхронизацию предпринимаемых коммуникативных действий, нацеленность на вовлечение целевых аудиторий в поддержку и усиление задач базисного субъекта.

Анализируя подход к стратегическим коммуникациям, отраженный в документах НАТО, П.В. Меньшиков обращает внимание на «достижения синергии параллельного применения различных элементов публичной дипломатии, полити-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // МИД России, 31 марта 2023 [эл. ресурс]: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 16.06.2025).

ческого маркетинга, технологий воздействия на человеческую психику, участие в мировой политике, инкорпорирование всей совокупности приведенных выше направлений информационно-коммуникационной деятельности во все военные стратегии альянса» [Меньшиков 2022]. В данном подходе стратегические коммуникации нацелены на усиление комплексного воздействия на всю коммуникационную деятельность, то есть на комплекс слов и действий всеобъемлющей политики НАТО.

Российские ученые вносят методологические уточнения в разработку понятийного аппарата стратегических коммуникаций. Н.И. Чеботарева и С.С. Ковалева считают, что «коммуникация становится стратегической при выполнении двух условий: коммуникация должна быть массового характера и воздействовать на широкую публику, а также предполагает не отдельные разнонаправленные акты социальной коммуникации, а целостный систематический процесс, предполагающий стратегию» [Чеботарева, Ковалева 2016]. Их подход также является системным, но они расширяют стратегический компонент коммуникации, делая обязательным условием наличие широкой целевой аудитории.

Для всестороннего понимания категории «стратегической коммуникации» обратимся к ее характеристикам, позволяющим отличить от коммуникации на оперативно-тактическом и тактическом уровнях.

Д.П. Гавра выделяет семь базовых характеристик стратегической коммуникации [Гавра 2021]:

- «отложенность и неочевидность для обыденного сознания эффекта / результата коммуникации;
- субъектная интенциональность и целенаправленность;
- направленность на закрепление поведенческих паттернов у целевых аудиторий;
- жесткая увязка со стратегией базового субъекта;
- прямое, косвенное или латентное вовлечение целевых аудиторий в достижение стратегических целей базисного субъекта;
- когерентность и синергия распределенных игроков;
- интеграция информационных воздействий и прямых акций»¹.

Материалы и методы. Примером организации стратегической коммуникации автором выбран Саммит БРИКС в Казани (22–24 октября 2024 года, далее – Саммит). После начала специальной военной операции на Украине Российская Федерация столкнулась с системным (дипломатическим, институциональным, экономическим, военным, культурным и т.д.) давлением со стороны западных стран. Возможности для трансляции собственной точки зрения, особенно в период 2022–2024 гг., были ограничены из-за политики международной изоляции.

¹ Гавра Д.П. Стратегические коммуникации и тексты стратегических коммуникаций: к теоретическому обоснованию категорий. – С. 16.

В то же время, формирующиеся новые мировые центры силы не проявляли однозначно негативного отношения. В этом контексте мероприятия под эгидой СНГ, ШОС, БРИКС и частично G20 являются возможностью для продвижения идей равноправного взаимодействия со значимыми международными политическими акторами. В частности, коммуникационный потенциал БРИКС отмечают Ф.И. Шарков и А.В. Понеделков: «диверсификация коммуникационного потенциала осуществляется расширении диалога в формате форумов, саммитов, регулярных встреч министров разных направлений» [Шарков, Понеделков 2018: 90]. В 2024 году Россия как страна-председательница БРИКС приложила комплекс усилий для качественной организации Саммита и реализации собственных внешнеполитических (и в их составе коммуникационных) задач.

Эмпирическое исследование основано на текстовых и визуальных материалах Саммита (сайт, стенограммы выступлений, пресс-релизы, текст Казанской декларации, фотобанк). Для обработки собранного материала использовались методы сравнительного анализа, дискурс-анализа, контент-анализа.

В качестве *гипотез* определены следующие положения:

- 1) проведение Саммита является актом стратегической коммуникации Российской Федерации;
- 2) Саммит соответствует большинству базовых характеристик стратегической коммуникации;
- 3) проведение Саммита позволило решить значимые коммуникационные задачи, поставленные в рамках информационного сопровождения внешнеполитической деятельности Российской Федерации;
- 4) выбор Казани в качестве места проведения Саммита является эффективным с учетом текущих коммуникационных ограничений;
- 5) Казанская декларация по итогам Саммита представляет собой стратегическое ключевое сообщение России (текст стратегической коммуникации) как полноценного субъекта международных отношений;
- 6) сопутствующие мероприятия Саммита и неформальные аспекты реализуют аффеktивное подкрепление результатов Саммита.

Результаты и их обсуждение. Встреча в Казани собрала семь первых лиц стран-участниц БРИКС, всего приняло участие 35 делегаций из разных стран и шести международных организаций. Напомним, членами БРИКС являются 9 стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Иран, Египет, Эфиопия. Еще 9 стран имеют статус партнеров: Белоруссия, Боливия, Индонезия, Казахстан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда, Узбекистан¹. На мероприятии в Казани также присутствовал генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш.

¹ О государствах-партнерах БРИКС // МИД России, 27 декабря 2024 [эл. ресурс]: <https://www.mid.ru/ru/maps/id/1989548/> (дата обращения: 16.06.2025).

Контекстная специфика Саммита. В предыдущие годы председательства России в БРИКС саммиты проводились в Екатеринбурге (2009), Уфе (2015), Санкт-Петербурге (2020, в формате видеосвязи). Выбор Казани в 2024 году позволяет создать благоприятное впечатление у участников Саммита, особенно тех, кто относительно недавно присоединился к БРИКС, а также у стран-партнеров объединения. Казань имеет зарегистрированный в Роспатенте бренд «третья столица России». Исторически Казань символизирует особый статус национальных республик, имеющих собственный язык, самобытную культуру, элементы административной самостоятельности. Специалисты по геобрендингу отмечают, что «при продвижении своего имиджа за пределами своей страны Республика Татарстан обращает внимание на исторически сложившиеся отношения с другими странами, родство культур, веры» [Минаева (ред.)]. Современная столица Татарстана – это крупный промышленный, высокотехнологичный центр, место мирного бытования православия и ислама, площадка для проведения крупных международных мероприятий (Универсиада-2013, Чемпионат мира по футболу-2018, World skills-2019). Полагаем, что для делегаций участников Саммита Казань была местом, знакомым по предыдущему опыту, понятным по культурным компонентам, комфортным по религиозному контексту.

Культурная программа была сформирована таким образом, чтобы, с одной стороны, подчеркнуть общность народов стран БРИКС, с другой стороны, продемонстрировать лучшие российские традиции гостеприимства и радушия, широту и многообразие российской цивилизации. Так, в первый день Саммита во время неформального обеда состоялся концерт на музыкальные темы всех стран БРИКС и знаменитые русские мелодии «Калинка» и «Течет река Волга»¹ в исполнении оркестра «Академия русской музыки»².

Разнообразие культурной программы могло удовлетворить эстетические потребности представителя любой страны – участницы Саммита. Исторический и религиозный культурный материал подобран в соответствии с интересами мусульманских стран и православной страны-хозяйки Саммита. Были использованы все значимые культурные триггеры России, традиционно используемые для укрепления имиджа страны в гуманитарном разрезе. Что, в целом, соответствует характеристикам стратегических коммуникаций и принципиальные требования к её осуществлению: «принципиально важен контекст, в рамках которого формируется и реализуется стратегическая коммуникация» [Евстафьев, Гринберг (ред.) 2024: 9], восприятие и понимание сообщения стратегической комму-

¹ Опубликованы кадры с концерта для лидеров стран БРИКС // Первый канал [эл. ресурс]: https://www.1tv.ru/news/2024-10-22/490229-opublikovany_kadry_s_kontserta_dlya_liderov_stran_briks?ysclid=m6huq3cct4108377169 (дата обращения: 16.06.2025).

² Лидеры БРИКС послушали русские композиции на концерте в честь страта саммита // РенТВ [эл. ресурс]: URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1273400-lidery-stran-briks-sobralis-za-neformalnym-uzhinom-v-kazani?ysclid=m6huxv89eo744204445> (дата обращения: 16.06.2025).

никации «зависит от многих факторов, таких как культура, религия, обычаи, традиции, система ценностей, уровень общего развития общества, уровень образования реципиента и т.д.» [Минаева (ред.) 2024: 48]. Использование контекста и выбор инструментов реализации культурного кода России в рамках Саммита представляются достаточно эффективным.

Для информирования о подготовке и проведении Саммита был использован специальный портал, посвященный председательству России в БРИКС в 2024 году¹. В качестве официальных структур, ответственных за его разработку, указаны МИД России и фонд «Росконгресс». Тематические разделы включают новостной блок, календарь, документы, материалы для СМИ и отдельный раздел, посвященный Саммиту. Помимо общей информации о Саммите и его коммерческих партнерах, размещена подробная инструктирующая информация для участников: как добраться до площадок Саммита, в каких гостиницах разместиться, полезные сведения об операциях с валютой и банковскими картами на территории России (что, конечно, не может не перекликаться с финансово-экономическими темами и решениями, озвученными в рамках деловой программы), список запрещенных предметов.

Медиа материалы Саммита содержат информацию о правилах аккредитации для средств массовой информации и блогосферы, обширный фотобанк Саммита, а также сведения о работе специально созданного пресс-центра. Каждое мероприятие Саммита сопровождается кратким пресс-релизом и фотоматериалами. В тексте пресс-релиза обычно содержится информация об участниках конкретного мероприятия и стенограмма выступления президента России В.В. Путина². Ни одной цитаты каких-либо других лиц не представлено. Это подтверждает гипотезу о том, что *базисным субъектом* Саммита выступает именно Российская Федерация. Но коммуникация выстроена таким образом, что контекстуально мероприятие остается значимым международным объединением – БРИКС. Дополнительно отметим, что на полях Саммита президент России провел 16 международных двусторонних встреч.

Интегральное *сообщение* Саммита включает в себя вербально оформленные материалы (стенограммы выступлений и встреч президента России, а также текст принятой Казанской декларации) и невербальные материалы, представленные в фотобанке Саммита. Совокупность вербальных материалов Саммита является примером текста стратегических коммуникаций. Это соотносится с подходом Д.П. Гавры к пониманию данной категории, в котором текст стратегических коммуникаций – «обладающий авторством, функционирующий в публичном пространстве, когнитивно организованный, аффективно подкреп-

¹ БРИКС – Россия 2024 [эл. ресурс]: <https://brics-russia2024.ru> (дата обращения 20.01.2025).

² Заседание саммита БРИКС в расширенном составе // Президент России – официальный сайт, 23 октября 2024 года [эл. ресурс]: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/13/events/75375> (дата обращения: 16.06.2025).

ленный и конативно ориентированный текст в вербальном / креолизованном / поликодовом формате; инициированный субъектом стратегического действия, нацеленный на реализацию стратегии субъекта и на макроструктурные социальные/ экономические / политические / культурно-эстетические эффекты; содержащий оценку ситуации, выявление противоречий, указание цели и обозначение путей достижения цели; обеспечивающий вовлечение целевых аудиторий и их мотивацию к поведенческим активностям по реализации стратегии» [Гавра 2021: 21].

Методика анализа вербальных материалов Саммита включает два вектора. Первый вектор связан с рассмотрением оперативно-новостных текстов Саммита (пресс-релизов Саммита, стенограмм двусторонних встреч и выступлений президента России – всего 21 текст; суммарный объем более 15 тысяч слов) и выявлением характерных аксиологем и идеологем, оценочных высказываний в отношении различных субъектов – БРИКС и стоящих за ней Глобального Юга и Глобального Востока, коллективного Запада, Российской Федерации.

Второй вектор касается качественного контент-анализа текста Казанской декларации как квинэссенции Саммита и предполагает более глубокое рассмотрение тематических направлений деятельности БРИКС и принятых решений.

Для характеристики двусторонних отношений России со странами-участницами и странами-партнерами БРИКС чаще всего используются эпитеты «взаимный»/ «взаимовыгодный» (11 раз), «стратегический» (8 раз), «справедливый» (8 раз), «всеобъемлющий» (4 раза), и аксиологемы «уважение» (11 раз), «сотрудничество» (10 раз), «дружба» (8 раз), «партнерство» (7 раз), «равноправие» (7 раз). В большинстве встреч на высшем уровне содержится указание на *сходство взглядов, единство позиций, координацию усилий на международной арене, солидарность и поддержку России*, особенно на площадках ООН. Многочисленные высказывания касаются общих ценностных характеристик стран БРИКС. Весь вербальный ряд, очевидно, нацелен на фиксацию близости позиций участников Саммита.

В пяти выступлениях звучит глобальная цель – «формирование нового справедливого многополярного миропорядка» (суммарно 11 упоминаний). Его аксиологическая основа включает «уважение законных интересов и суверенного выбора стран и народов, соблюдение международного права и настрой на взаимовыгодное, честное сотрудничество»¹, «культурно-цивилизационное многообразие»², «равенство, добрососедство и взаимное уважение, за утверждение высоких идеалов дружбы и согласия, за всеобщее процветание и благополучие, не на словах,

¹ Встреча с Президентом Венесуэлы Николасом Мадуро // Президент России – официальный сайт [эл. ресурс]: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/75377> (дата обращения: 16.06.2025).

² Планарное заседание XVI саммита БРИКС в формате «аутрич» // БРИКС плюс [эл. ресурс]: <https://brics-russia2024.ru/news/plenarnoe-zasedanie-xvi-sammita-briks-v-formate-autrich-briks-plyus/> (дата обращения: 16.06.2025).

а на деле»¹. Стратегический курс БРИКС заключается в создании «необходимых механизмов взаимодействия и благоприятной атмосферы в общем доме»² в тесной координации с ООН (об этом говорится во всех публичных выступления Саммита) и при «решающем участии»³ стран Глобального Юга и Глобального Востока в международном управлении.

Количественное распределение значимых оценочных высказываний довольно равномерное: с небольшим перевесом преобладают характеристики взаимодействия государств в рамках БРИКС, чуть меньше высказываний относительно двусторонних отношений с Россией.

Таблица 1. Количество оценочных высказываний, содержащих аксиологемы и идеологемы в оперативно-новостных текстовых материалах Саммита / The number of evaluative statements containing axiologemes and ideologemes in the operational news text materials of the 16th BRICS Summit

Тематика высказываний	Кол-во высказываний
Аксиологемы и идеологемы о двусторонних взаимоотношениях с Россией	39
Аксиологемы и идеологемы о взаимодействии государств в рамках БРИКС	44
Аксиологемы и идеологемы о глобальном миропорядке	31

Наиболее высокая степень вовлеченности в оценочный дискурс наблюдается в стенограммах выступлений на ключевых мероприятиях Саммита (торжественный прием, заседание в узком составе, заседание в формате «БРИКС плюс»), а также некоторых двусторонних встреч (с руководителями ЮАР, КНР, Венесуэлы).

Таблица 2. Распределение оперативно-новостных текстов Саммита по степени вовлеченности в оценочный дискурс / Distribution of the 16th BRICS Summit operational news texts by the degree of involvement in the evaluative discourse

Степень вовлеченности	Количество текстов
Низкая	8
Средняя	6
Высокая	7

¹ Заседание Саммита БРИКС в узком составе // БРИКС плюс [эл. ресурс]: <https://brics-russia2024.ru/news/zasedanie-sammita-briks-v-uzkom-sostave/> (дата обращения: 16.06.2025).

² Планарное заседание XVI саммита БРИКС в формате «аутрич» // БРИКС плюс [эл. ресурс]: <https://brics-russia2024.ru/news/plenarnoe-zasedanie-xvi-sammita-briks-v-formate-autrich-briks-plyus/> (дата обращения: 16.06.2025).

³ Торжественный прием по случаю проведения саммита БРИКС // БРИКС плюс [эл. ресурс]: <https://brics-russia2024.ru/news/torzhestvennyy-priyem-po-sluchayu-provedeniya-sammita-briks/> (дата обращения: 16.06.2025).

Таким образом, ключевое сообщение публичных выступлений президента России в рамках Саммита содержит установку, что существует альтернативная западной, основанной на пресловутых «правилах», точка зрения на мировое устройство. Этот подход России разделяется многими влиятельными международными политическими акторами, совместно определены инструменты формирования нового многополярного миропорядка.

Практическая плоскость реализации этой идеи находит отражение в Казанской декларации БРИКС. Президент России характеризует этот текст как «комплексный концептуальный документ с позитивной повесткой, устремлённой в будущее»¹.

Казанская декларация содержит 134 положения. Тема октябрьской встречи определена как «укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Магистральными направлениями сотрудничества стран-участниц БРИКС выбраны три: политика и безопасность, экономика и финансы, культурные и гуманитарные связи. Тематическое распределение отражает количественное преобладание финансово-экономических вопросов.

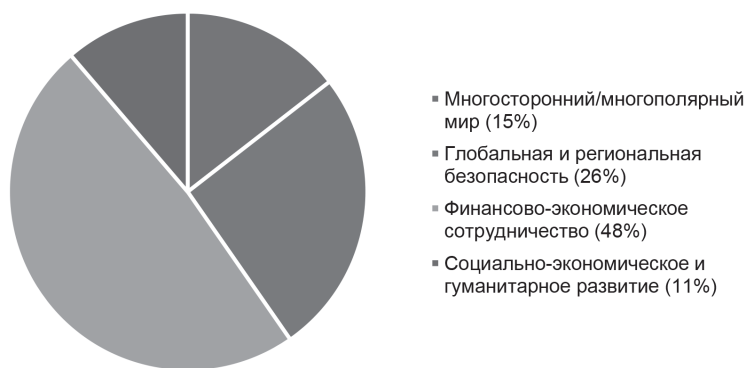

Рисунок 1. Тематическое распределение положений Казанской декларации БРИКС / Thematic distribution of the provisions of the 16th BRICS Summit Declaration

В области глобального развития и взаимодействия Казанская декларация отмечает важность *«дальнейшего укрепления солидарности и расширения сотрудничества стран БРИКС»*, общность интересов и ключевых приоритетов, перспективы укрепления стратегического партнерства.

В качестве ценностей БРИКС указаны «взаимоуважение и взаимопонимание, суверенное равенство, солидарность, демократия, открытость, инклюзивность, взаимодействие и консенсус». Предполагается, что эти категории характеризуют отношения между участниками объединения и их видение глобального политического устройства, которое должно опираться на «более представительный

¹ Пресс-конференция по итогам XVI саммита БРИКС // БРИКС плюс [эл. ресурс]: <https://brics-russia2024.ru/news/press-konferentsiya-po-itogam-xvi-sammita-briks/> (дата обращения: 16.06.2025).

и справедливый международный порядок» и «обновленную и реформированную многостороннюю систему». Ее целевой ориентир – «справедливый, демократический и сбалансированный многополярный миропорядок». В декларации отмечается появление новых центров силы, которые способны изменить современную архитектуру международных отношений к новым реалиям.

Если обобщить аксиологические и идеологические характеристики Казанской декларации, то необходимо отметить преобладание высказываний «коллективистского» профиля над индивидуалистическими. В совокупности они формируют систему ценностей государств-членов БРИКС и самого объединения как политического субъекта.

Таблица 3. Ценностные характеристики в тексте Казанской декларации / Value characteristics in the text of the the 16th BRICS Summit Declaration

Аксиологема / идеологема	Количество
Справедливость / справедливый	33
Инклюзивный	26
Диалог	25
Сотрудничество	22
Многосторонность (в значении «многополярность», наличие нескольких векторов развития или центров принятия решений)	18
Консенсус	14
Уважение	12
Взаимодействие	11
Демократия/демократический	8
Равенство	5
Солидарность	5

Лидеры БРИКС призывают обеспечить более активное и значимое участие государств Африки, Латинской Америки, Карибского бассейна. Это касается не только всеобъемлющей реформы ООН и ее ключевых органов (Совета безопасности), но и Всемирной торговой организации. Подчеркивается необходимость реформирования существующей международной финансовой архитектуры. Предложены конкретные инструменты: новая инвестиционная платформа на основе существующего Нового банка развития БРИКС, независимая трансграничная расчетно-депозитарная инфраструктура BRICS Clear, Зерновая биржа БРИКС для развития торговли сельскохозяйственной продукцией и удобрениями. Акцент на инвестиции и обеспечение продовольственной безопасности хорошо укладывается в существующий дискурс по борьбе с бедностью и голодом и сохраняет актуальность для Глобального Юга.

Рассмотренные вербальные материалы Саммита – пресс-релизы Саммита, стенограммы публичных выступлений и встреч президента России и текст Казанской декларации – соответствуют характеристикам текста стратегических ком-

муникации. В них присутствуют когнитивный, аффективный и конативный компоненты. Россия как субъект стратегического взаимодействия использует данные тексты для реализации своих стратегических задач (заявление и легитимация альтернативной точки зрения, демонстрация отсутствия международной изоляции), направленных на достижение макроструктурных политических и экономических эффектов (формирование многополярного миропорядка). Вербальные материалы Саммита содержат текущую оценку ситуации, выявляют принципиальные противоречия, обозначают пути достижения целей на стратегическом и тактическом уровнях.

Невербальные материалы, представленные в фотобанке Саммита, включают 1366 фотографий. Отдельные альбомы посвящены встречам лидеров стран-участниц и партнеров БРИКС в аэропорту, двусторонним встречам с президентом России, мероприятиям деловой программы (заседаниям в разных форматах, подписанию соглашений, итоговой пресс-конференции), неформальным событиям (совместное фотографирование глав государств, торжественный прием, концерт). Среди жанров фотосъемки преобладают репортажи и портреты, присутствуют элементы протокольной съемки и архитектурной фотографии.

Встречи лидеров в аэропорту выполнены в жанре фоторепортажа, снимки содержат много деталей, проявлений непосредственного общения, спонтанных реакций. Также непременно передаются элементы государственной атрибутики: самолет национальных авиалиний с характерной ливреей, иногда – личный автомобиль с государственным флагом. Подчеркивается атмосфера высокого уровня мероприятия (почетный караул, строгая выправка) и одновременно радушия и гостеприимства (крупным планом фотографии караваев и чак-чака – национального угощения Татарстана, колоритные костюмы презентационной группы сопровождения). После угощения высокие гости нередко используют характерный жест благодарности – сложенные вместе ладони у груди или лица.

Фотографии двусторонних встреч с президентом России имеют характер протокольной съемки. Некоторые двусторонние встречи с точки зрения кинесики заслуживают отдельного внимания. Например, президент Турции Р.Т. Эрдоган как человек с высоким ростом вынужден принимать наклоненную позу к уверенно стоящему президенту России В.В. Путину¹ (хотя могли быть сценарии, когда к более высокому представителю приходится тянуться). Открытые распростертые ладони и прямой взгляд в беседе с президентом Египта ас-Сиси², позы терпеливого ожидания, опережающий шаг навстречу и крепкие объятия

¹ Встреча президента РФ В. Путина с президентом Турции Р. Т. Эрдоганом // БРИКС плюс [эл. ресурс]: https://photo-summit.brics-russia2024.ru/ru/story/list_351122473/ (дата обращения: 16.06.2025).

² Встреча президента РФ В. Путина и президента Египта Абделя Фаттах ас-Сиси // БРИКС плюс [эл. ресурс]: https://photo-summit.brics-russia2024.ru/ru/story/list_350985580/ (дата обращения: 16.06.2025).

с премьер-министром Индии Н. Моди¹, отзеркаливание мимики и жестов собеседника при встрече с председателем КНР С. Цзиньпином², раскрепощенные движения тела и лица при общении с президентом ЮАР С. Рамафозой³ и т.д. позволяют охарактеризовать В.В. Путина как опытного лидера с высокой коммуникативной компетентностью.

Отдельного внимания заслуживает общение В.В. Путина с генеральным секретарем ООН Антониу Гутерришем. При отсутствии каких-либо текстовых цитат об их взаимодействии на фотографиях демонстрируются глубокое уважение и признательность, выраженные характерным наклоном тела, внимательным взглядом и улыбкой со стороны высшего должностного лица ООН⁴.

Мероприятия деловой программы (заседания членов и партнеров БРИКС в узком и расширенном составах, пленарное заседание в формате «БРИКС аутрич») представлены как фотографиями общего плана, так и портретами отдельных членов делегаций. Большой белый круглый стол, судя по всему, демонстрирует равенство участников, взаимоуважение, партнерский характер дискуссии. В центральной части расположены экраны трансляции, что создает ощущение диалога выступающего с каждым членом мероприятия⁵.

Неформальные мероприятия Саммита (торжественные приемы, концерт) добавляют колорита и торжественности. На фотографиях отражены шикарные интерьеры, детали роскошного убранства залов, богатая отделка мебели, изысканное украшение столиков, изобилие угощений. Репортажные фотографии отражают спонтанное, непосредственное общение лидеров и их эмоциональные состояния (радость, удивление, восторг, удовлетворение, наслаждение).

Интерпретация результатов невербальных материалов Саммита неизбежно предполагает отсылку к теории и Э. Холла, который предложил классификацию культур в зависимости от их отношения к контексту [Hall 1976]. В соответ-

¹ Встреча президента РФ Владимира Путина и премьер-министра Индии Напендры Моди // БРИКС плюс [эл. ресурс]: https://photo-summit.brics-russia2024.ru/ru/story/list_350829916/ (дата обращения: 16.06.2025).

² Встреча президента РФ Владимира Путина и председателя КНР Си Цзиньпина // БРИКС плюс [эл. ресурс]: https://photo-summit.brics-russia2024.ru/ru/story/list_350831986/ (дата обращения: 16.06.2025).

³ Встреча президента РФ Владимира Путина и президента ЮАР Сирилы Рамафозы // БРИКС плюс [эл. ресурс]: https://photo-summit.brics-russia2024.ru/ru/story/list_350829931/ (дата обращения: 16.06.2025).

⁴ Президент РФ Владимир Путин и генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш на церемонии совместного фотографирования лидеров БРИКС в рамках XVI саммита БРИКС в Казани // БРИКС плюс [эл. ресурс]: https://photo-summit.brics-russia2024.ru/ru/media/8791147.html?context=list&list_sid=list_351209441 (дата обращения: 16.06.2025).

⁵ Президент РФ Владимир Путин на заседании глав делегаций стран БРИКС в расширенном составе в рамках XVI саммита БРИКС в Казани // БРИКС плюс [эл. ресурс]: https://photo-summit.brics-russia2024.ru/ru/media/8790278.html?context=list&list_sid=list_351015202 (дата обращения: 16.06.2025).

ствии с этим подходом культуры Китая, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки, стран Южной Европы, России принадлежат к высококонтекстуальным. Для них характерно внимание к окружению, отношениям между людьми, плотности социальных связей, большая часть информации считывается с помощью знаков невербальной коммуникации. Эти культуры довольно однородны, медленно меняются, уважительно относятся к социальной иерархии.

Очевидно, что страны-участницы и партнеры БРИКС относятся именно к высококонтекстуальным культурам [Hall 1976]. Использование большинства значимых триггеров, обращение к широкому потенциалу невербальной коммуникации, равно как и эффективное вовлечение культурного, национального и религиозного контекста, делает сообщение Саммита достаточно эффективным для его заинтересованных участников.

В общем виде *ключевое сообщение* Саммита можно сформулировать следующим образом: «Россия – самодостаточный актор мировой политики, имеющий широкую международную поддержку, представляющий альтернативную точку зрения на формирование нового миропорядка, основанного на полицентричности и расширении роли Глобального Юга и Востока при поддержке принципов ООН».

Выводы. При анализе макроэффектов Саммита сразу оговоримся, что темпоральный фактор не позволяет точно оценить результативность данного акта стратегической коммуникации спустя несколько месяцев после его проведения. Отложенность эффекта и его неочевидность на фоне повседневной повестки придает стратегической коммуникации особый онтологический статус.

Потенциал Саммита как акта стратегической коммуникации России направлен на достижение следующих макроэффектов: укрепление роли страны в системе миропорядка, преодоление ее международной изоляции, изменение макроструктуры политического континуума, трансформация международных институтов, макроэкономические изменения на значимых для России рынках и нивелирование санкций, распространение транслируемых Россией ценностей, улучшение имиджа страны для внешних и внутренних аудиторий. По ряду азимутов уже сейчас можно констатировать зарождение позитивных тенденций. Их отслеживание и анализ могут составить предмет дальнейших исследований по проблематике стратегических коммуникаций России.

В текущем исследовании подтвердились гипотезы о достаточно высокой коммуникативной эффективности Саммита. Подавляющее большинство базовых характеристик стратегической коммуникации свидетельствует, что проведение Саммита относится к актам стратегической коммуникации. Его коммуникационные особенности соответствуют задачам информационного сопровождения внешнеполитической деятельности Российской Федерации. Выбор дат и места проведения Саммита позволяет достичь высокой эффективности, в том числе за счет комфортного для участников Саммита контекста. Гипотеза о первостепенной роли Казанской декларации как текста стратегического ключевого

сообщения подтверждена частично. Невербальные и вербальные элементы ключевого сообщения несут полноценную смысловую нагрузку. Сопутствующие культурные мероприятия Саммита и неформальное общение реализуют аффективное подкрепление результатов Саммита. Взаимодействие с различными целевыми аудиториями позволяет расширить спектр достигаемых коммуникативных целей.

Ключевое сообщение формирует устойчивое представление о базисном субъекте коммуникации. Россия показана способной к противостоянию международной изоляции, дипломатическому давлению, санкционному воздействию. Ее альтернативная точка зрения на формирующийся полицентричный миропорядок находит глобальную международную поддержку.

Целенаправленное, системное, последовательное, многоканальное и скоординированное представление позиции России на мероприятиях Саммита подтверждает его принадлежность к актам стратегической коммуникации.

Источники

Гавра Д.П. (2021). Стратегические коммуникации и тексты стратегических коммуникаций: к теоретическому обоснованию категорий // Российская школа связей с общественностью. № 22. С. 10-31. EDN: HQAANN.

Меньшиков П.В. (2022). Медийное измерение мировой политики: эвристика критического осмысления коммуникации в новой реальности. М.: Прометей. С. 608-611. EDN: CAFENG.

Пашенцев Е.Н. (2012). Стратегическая коммуникация США: проблемы нарастают // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: исторические науки. № 2 (10). С. 112-113. EDN: PWIGKX.

Стратегическая коммуникация в политике. Модели и технологии: учебное пособие / под ред. Л.В. Минаевой (2024). Москва: КУРС.

Стратегические коммуникации. Теория и практика: учебное пособие для студентов вузов / под ред. В.А. Евстафьева, Т.Э. Гринберг (2024). М.: Аспект Пресс.

Цветкова Н.А. (2015). Публичная дипломатия США. От “мягкой силы” к “диалоговой пропаганде” // Международные процессы. Т. 13. № 3(42). С. 122-126. EDN: UXZUAB. DOI: 10.17994/T.2015.13.2.42.8.

Чиботарева Н.И., Ковалева С.С. (2016). Информационная война как деструктивная форма стратегических социальных коммуникаций: технологии медиаманипуляции в СМИ // Вестник Московского Гуманитарно-экономического Института. № 1. EDN: XDBQLF.

Шарков Ф.И., Понеделков А.В. (2018). Коалиционные модели международных коммуникаций в контексте глобального управления (на примере БРИКС) // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. Т. 18. № 1. С. 85-95. EDN: YVXKKH. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-85-95.

Hall E. (1976). *Beyond culture*. NY: Anchor Books.

Nye J.S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y.: Public Affairs. P. 11.

Nye J.S. (2008). *Public Diplomacy and Soft Power*. In: *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616. P. 101-102.

Paul C. (2010). «Strategic Communication» is vague, say what you mean. *Joint Force Quarterly*. Issue 56. P. 10-13.

■ ■ ■ The 16th BRICS Summit as the Ground for Russia's Strategic Communication in the Context of Global Informational Counteraction

Lvova O.V.

Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Abstract. The paper is devoted to the study of the tools of strategic communication of the state using the example of the BRICS summit in Kazan held in 2024. Based on modern theoretical approaches, the communicative elements of the event are analyzed, taking into account the political, economic, social and cultural context. The basic characteristics of the summit have been identified, confirming its belonging to acts of strategic communication. The author conducts an empirical test of the main hypothesis that the holding of the summit as an act of strategic communication of Russia allowed to achieve complex communicative effects. The chronological scope of the study includes the period of the event – October 22-24, 2024. The empirical database consists of text and visual materials (website, transcripts of speeches, press releases, text of the Kazan Declaration, photo bank). Using methods: comparative analysis, discourse analysis and content analysis. According to the author, the purposeful, systematic, consistent, multi-channel and coordinated presentation of Russia's position at the events of the BRICS summit in Kazan confirms its belonging to the acts of strategic communication.

Keywords: strategic communication, text of strategic communication, strategic communication act, BRICS Summit

For citation: Lvova O.V. (2025). The 16th BRICS Summit as the ground for Russia's strategic communication in the context of global informational counteraction. *Communicology*. Vol. 13. No. 2. P. 49-64. DOI 10.21453/2311-3065-2025-13-2-49-64.

Inf. about the author: Lvova Olesia Vyacheslavovna – CandSc (Pol.), lecturer at the School of Journalism and Mass Communications of the Saint Petersburg State University. *ORCID:* 0009-0006-4603-0696. *E-mail:* olesya_sulina@mail.ru. *Address:* 199004, Russia, Saint Petersburg, 1st line of Vasilievsky Island, 26.

Received: 17.03.2025. *Accepted:* 20.05.2025.

References

- Chebotareva N.I., Kovaleva S.S. (2016). Information war as a destructive form of strategic social communications: media manipulation technologies in the media. *Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute*. No. 1. EDN: XDBQLF (in Rus.).
- Evstafiev V.A., Grinberg T.E. (2024). Strategic communications. Theory and practice: a textbook for university students. Moscow: Aspect Press (in Rus.).
- Gavra D.P. (2021). Strategic communications and texts of strategic communications: towards a theoretical substantiation of categories. *Russian School of Public Relations*. No. 22. P. 10-31. EDN: HQAANN (in Rus.).
- Hall E. (1976). Beyond culture. NY: Anchor Books.

Menshikov P.V. (2022). Media dimension of world politics: heuristics of critical understanding of communication in the new reality. Moscow: Prometheus. P. 608-611. EDN: CAFENG (in Rus.).

Minaeva L.V., ed. (2024). Strategic communication in politics. Models and technologies. Moscow: KURS (in Rus.).

Nye J.S. (2004). Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs. P.11.

Nye J.S. (2008). Public Diplomacy and Soft Power. In: The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 616. P. 101-102.

Pashentsev E.N. (2012). US strategic communication: problems are growing. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: historical sciences*. No. 2 (10). P. 112-113. EDN: PWIGKX (in Rus.).

Paul C. (2010). «Strategic Communication» is vague, say what you mean. *Joint Force Quarterly*. Issue 56. P. 10-13.

Sharkov F.I., Ponedelkov A.V. (2018). Coalition models of international communications in the context of global governance (on the example of BRICS). *Bulletin of RUDN. Series: international relations*. Vol.18. No. 1. P. 85-95. EDN: YVXKKH. DOI: 10. 22363/2313-0660-2018-18-1-85-95 (in Rus.).

Tsvetkova N.A. (2015). US public diplomacy. From “soft power” to “dialogue propaganda”. *International processes*. Vol. 13. No. 3 (42). P. 122-126. EDN: UXZUAB. DOI: 10.17994/T.2015.13.2.42.8 (in Rus.).